

УДК 1(091)

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-4/99-106>

Д.Д. Котова*

«ШИ ЦЗИН» И ГЕНЕЗИС ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ: КОНЦЕПЦИЯ М. ХАНТЕРА

Статья посвящена анализу концепции М. Хантера, изложенной им в монографии «Поэтика ранней китайской мысли», в соответствии с которой «Канон поэзии» (Ши цзин) выступает основополагающим текстом, формирующим смысловое поле древнекитайской философской традиции. Автор анализирует методологические основания исследования М. Хантера, характеризует ключевые положения его концепции и лежащую в их основе аргументацию.

Ключевые слова: «Ши цзин», древнекитайская философия, конфуцианство, смысловое поле, метафора, концепт, «Дао дэ цзин»

Shijing and the genesis of Confucian philosophy: the concept of Michael Hunter. DIANA D. KOTOVA (Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia)

The article is devoted to the analysis of Michael Hunter's concept, set out in his monograph «The poetics of Early Chinese thought: How the Shijing shaped the Chinese philosophical tradition», according to which the Shijing (Classic of Poetry) is a fundamental text that forms the semantic field of the ancient Chinese philosophy. The author analyzes the methodological foundations of Hunter's research, characterizes the key points of his concept and the argumentation behind them.

Keywords: Shijing, ancient Chinese philosophy, Confucianism, semantic field, metaphor, concept, Dao de jing

Введение

Вышедшая в 2021 г. монография профессора Йельского университета, специалиста в области восточноазиатских языков и литературы Майкла Хантера «Поэтика ранней китайской мысли» [25] посвящена гипотезе о том, что поэтический сборник «Канон поэзии» (*Ши цзин* 詩經) послужил основополагающим текстом, формирующим смысловое поле древнекитайской философской традиции как таковой. Исходя из научной новизны и актуальности исследования М. Хантера, в данной статье мы ставим перед собой цель прояснить методологические и концептуальные положения данного автора в контексте роли «Ши цзин» в генезисе китайской философии.

Как предмет исследования «Канон поэзии», конечно, хорошо знаком отечественным исследователям. В отечественном Китаеведении был подробно разработан вопрос о генезисе стихотворной традиции стихов-*ши* (詩), составивших основу «Канона поэзии» [1, с. 16–17; 5; 10; 13, с. 362–364], высказано множество идей относительно его структуры [2, с. 12–13; 4, с. 346–347] и значимости для стихотворной и литературной традиции [15, с. 16–17]. Аспект влияния «Ши цзин» на древнекитайскую философскую традицию (в первую очередь – конфуцианскую) также подвергся рассмотрению [1, с. 164–190; 6; 15, с. 16–17]. Подход М. Хантера существенно иной. Исследователь рассматривает «Канон поэзии» не

* КОТОВА Диана Дмитриевна, ассистент Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, kotova.ddm@dvfu.ru

© Котова Д.Д., 2024

столько как текст поэтический, сколько как текст-носитель смыслов, структур, категорий и сюжетов, формирующую парадигму, впоследствии воспроизведенную и осмысленную в конфуцианской мысли.

Монография М. Хантера встретила главным образом положительные отзывы в западном Китае (см., напр.: [29; 31]). Однако профессор М. Найлэн, специалист в области древнекитайской философии и искусства, отмечает такие концептуальные недостатки работы, как убежденность М. Хантера в недостаточном освещении проблематики «Канона поэзии», весьма спорная детерминация образа мышления древних китайцев идеей «движения» (у М. Хантера – «возвращения»), а также отождествление «поэзии» и «идеологии» [28]. В целом же, думается, что в силу актуальности и масштабности рассматриваемой проблематики, а также оригинальности выводов концепция М. Хантера может представлять интерес и для отечественных исследователей.

Методология исследования М. Хантера

В методологии работы М. Хантера обнаруживается синтез двух подходов. Во-первых, заметно влияние интеллектуальной истории с ее установкой на анализ парадигмального контекста, формирующего своим концептуальным содержанием тот или иной исследуемый текст [18, с. 69–72]. Соответственно, ставится задача обнаружить и проследить, как некоторые концепты парадигмы (в данном случае – «Канон поэзии») сумели задать смысловое поле интеллектуальной традиции (в данном случае – древнекитайской философии и в первую очередь – раннего конфуцианства). Во-вторых, М. Хантер активно использует комплекс методов, разработанных в рамках филологии. Сам исследователь описывает его так: «Если кратко, мы можем попытаться интерпретировать [поэзию-] *ши* 詩 как изменчивый репертуар – именно таким он и был до своей кристаллизации при династии Хань. Я определяю этот подход как “чтение со среднего расстояния” (reading from the mid-range), чтобы расположить его между “пристальным”, поэмоцентричным чтением, проблематизированным Майклом Керном, и “дальним чтением” приверженцев digital humanities» [25, р. 228]. Под «близким» чтением понимается подход, когда литературовед подробно анализирует то, что хотел сказать создатель одного конкретного текста или даже его фрагмента: причем текст этот вписан в парадигмальный канон значимых для культуры произведений [12, с. 11]. Для раннеконфуцианской философии таким каноническим комплексом является текст «Пятиканония» (*У цзин* 五經), куда входят «Канон перемен» (*И цзин* 易經), «Канон поэзии» (*Ши цзин* 詩經), «Канон документов»

(*Шу цзин* 書經), он же «Чтимая книга» (*Шан шу* 尚書), «Записи о ритуале» (*Ли цзи* 禮記) и «[Летопись о] веснах и осенях» (*Чунь цю* 春秋). К XII в. список этих текстов дополнился и оформился в «Тринадцатиканоние» (*Ши сань цзин* 十三經) [3, с. 620]. Также к ним можно присовокупить тексты, в подобные списки не включенные, но имеющие близкий к ним статус: в конфуцианской традиции это текст «Сюнь-цзы» (荀子), принадлежащий философу-конфуцианцу Сюнь Куану (331/298 – 238/215 гг. до н.э.) [23].

С каноническими (в рамках «Ши сань цзин») текстами частично пересекается корпус текстов жанра *чжуцзы* (諸子) («Лунь юй» 論語 [7], «Мэн-цзы» 孟子 [14], «Сюнь-цзы» 荀子 [23] и др.), озаглавленных в большинстве случаев именами конкретных авторов. Этот традиционный взгляд М. Хантер также проблематизирует: здесь важно вспомнить, что он является учеником выдающегося западного сиолога Майкла Керна, чьи исследования древнекитайских канонов способствовали формированию более критического отношения к ним. В частности, в своих статьях М. Керн критикует подход тех исследователей, которые интерпретировали древнекитайские канонические тексты, некритически используя их в качестве источников по философии доханьского периода. Например, он весьма убедительно доказал, что «Канон поэзии» и «Канон документов» – тексты, которые не могут служить адекватной основой для оценки роли и значения ритуала в эпоху Западной Чжоу (XI–VIII вв. до н.э.), т.к. в них зафиксирована идеализированная в более поздние эпохи рецепция чжоуского ритуала, но никак не его историческое описание [27]. Во многом работы М. Керна – часть процесса смещения интереса исследователей древнекитайской мысли с канонических памятников на более ранние источники (в частности, инскрипции на чжоуской ритуальной бронзе [8, с. 6; 26; 27]). М. Хантер развивает идеи, предложенные его предшественником: в представленной монографии он пересматривает авторитетность древнекитайских канонических текстов, подвергая сомнению не только аутентичность содержания этих текстов эпохе, к которой их относит традиция, но и характер их функционирования на межтекстовом уровне. При этом некоторые методологические элементы М. Хантер заимствует и из концепции «дальнего чтения», разработанной Ф. Моретти: это подход, при котором внимание фокусируется не на содержании и смысле конкретного текста, а на общих закономерностях, присущих большому числу текстов, в т.ч. и находящихся вне зафиксированного канона [12, с. 11–12]. Также этот подход является частью digital humanities, что подразумевает

использование компьютерных технологий: в лингвистических науках это комплекс методов, предполагающий цифровой поиск в корпусах текстов исследуемых слов и понятий, который направлен на выделение тех или иных смысловых контекстов их употребления, их частотности, а также выполнение других операций по выявлению их семантики [30].

Таким образом, М. Хантер подробно исследует «Канон поэзии» как текст, формировавший, в соответствии с его гипотезой, древнекитайскую философскую традицию, при помощи сложного и нетривиального методологического комплекса.

Основные положения концепции М. Хантера

На наш взгляд, представляется возможным выделить в работе М. Хантера три ключевых положения. Рассмотрим каждое из них подробнее.

1. «Канон поэзии» может рассматриваться как парадигмальная матрица древнекитайского философского канона, как «сеть» (*network*) [25, р. 15], скрепляющая его тексты.

М. Хантеру принадлежит попытка вывести «Канон поэзии» из тени других текстов китайского конфуцианского канона. Исследователь активно полемизирует с прежними подходами к «Ши цзин» как к комплексу элементов, скорее дополняющих понимание более «значимых» текстов канона (в виде цитат и т.д.). При помощи комплекса методов автор придает «Канону поэзии» новый статус: в его прочтении это не просто сборник текстов, послуживший источником цитат для комментирования мысли философов-конфуцианцев, но матрица, по которой выстроена вся последующая древнекитайская философия: «Я предлагаю переработать основную концепцию ранней китайской мысли как системы, сосредоточенной вокруг поэзии-*ши* 詩» [25, р. 15]. И потому не «Канон поэзии» выступает материалом для древнекитайской философии, а, напротив, философские (по крайней мере, конфуцианские) тексты служат своего рода производными от «Канона поэзии». Стоит отметить близость методологии М. Хантера не только установкам интеллектуальной истории, но и идее метатекста, высказанной в свое время Ю.М. Лотманом. Ссылок на работы Ю.М. Лотмана в тексте М. Хантера нет, но параллели с его идеями легко прослеживаются. Используя язык лотмановской семиотики, можно сказать, что у Хантера «Ши цзин» предстает как текст, а китайская философская традиция – как его метатекст. Тексты у М.Ю. Лотмана характеризуются как «динамичные, переходные, текучие формы» [11, с. 51], что вполне применимо к «Канону поэзии». При этом такая форма обретает смысл и предстает как философское высказывание в рамках метатекста: Ю.М. Лотман приводит в качестве примера предписания и разнообразные трактаты Средневековья [11, с. 51]. Подобный

принцип конституирующего метатекста применим и по отношению к текстологии раннего конфуцианства.

Почти все введение к своей монографии М. Хантер посвящает подробному описанию истории исследования «Канона поэзии». Среди ее проблем особенно интересно противопоставление версий «простонародного» и «аристократического» происхождения стихов-*ши*, составивших «Канон поэзии». Отстаивая точку зрения, что стихи-*ши* были созданы в аристократических кругах по образцу народной поэзии, М. Хантер предостерегает от опасности отношения к поэзии-*ши* в духе «романтизма» и бесплодности попыток рассматривать такого рода стихи как «искаженные» аристократическим влиянием народные [25, р. 7–8].

Одной из установок М. Хантера является отказ от попыток интерпретации смысла древнекитайской поэзии, традиционно занимавших классическую синологию. Установка на интерпретацию поэзии-*ши* через смысл ее стихов и составляющих их слов восходит еще к ханьским временам, а именно – к («Великому предисловию» (*Да юй* 大序), предваряющему сохранившуюся до наших дней версию «Канона поэзии» – «“Стихи” [в передаче] Мао с комментарием Ма Жуна» (*Мао ши Ма Жун чжу* 毛詩馬融注). В этом предисловии «смысл стихов» обозначался понятием «*чжи*» (志)¹, хотя, конечно, само это слово применительно к стихам упоминалось и прежде [10, с. 180]. М. Хантера же интересует не столько смысл, который несет тот или иной стих из «Канона поэзии», сколько «эффект», который он производит [25, р. 28]. Этот эффект М. Хантер исследует посредством структурного анализа как стиха в его целостности, так и отдельных его элементов (строф и слов) в контексте «Канона поэзии». Так, обосновывая идею о том, что одним из центральных мотивов «Канона поэзии» является мотив движения, исследователь обращается к *фэн* (風)² «Подорожник» (*Фу и* 芣苢) [I, I, 8], «Двое детей садятся в лодку» (*Эр цзы чэн чжоу* 二子乘舟) [I, III, 19] и ряду других. Анализируя их структуру, М. Хантер отмечает, что они построены по принципу циклического движения. К этому отсылают повторяющиеся иероглифы стиха, маркирующие зарифмованные глаголы: в первом случае это помогает отразить суету, представленную в стихе, а во втором – усиливает эффект горя персонажа [25, р. 39–40]. Таким образом М. Хантер переносит исследование стихов «Ши цзин» из поля герменевтики в поле поэтики, как бы позволяя им самим говорить о своих свойствах.

¹ И.С. Лисевич перевел это понятие на русский язык как «устремление» [10, с. 180].

² Поджанр стихов-*ши*.

М. Хантер рассматривает основные произведения конфуцианской философии либо как тексты, полностью включающие в свой состав структурные элементы и сюжеты стихов-*ши* (причем не только в смысле прямого комментирования, его М. Хантер рассматривает лишь как малую часть этих связей), либо как тексты, полемизирующие с «Канонами поэзии» в каком-либо аспекте – структурном или идейном. К первой категории М. Хантер относит тексты конфуцианской традиции, ко второй – «Канон Пути и благодати» (*Дао дэ цзин* 道德經) и сборник поэзии другого типа – «Чуские строфы» (*Чу цы* 楚辭). Именно под углом парадигматической детерминации структурными элементами и сюжетами «Канона поэзии» М. Хантер и рассматривает всю древнекитайскую философскую традицию.

Для подтверждения своей позиции он приводит примеры из рассматриваемых им текстов. Так, в чжане (фрагменте) «Лунь юя» 3.8, представляющем диалог Конфуция с его учеником Цзыся, видно, как концепт «Канона поэзии» осмысливается в рамках конфуцианства. Цзыся в диалоге ссылается на стих «Дородная» (*Шо жэнь* 碩人). Понятие «белый» (*су* 素), в тексте первоисточника обозначающее лишь цвет, становится здесь некоей идейно-метафорой, на основе которой строится этическое рассуждение о ритуале (*ли* 禮):

Цзыся спросил:
– «Чарует юная улыбка,
Прекрасны яркие глаза,
Узорной стала чистота».

Почему так говорят?

Учитель сказал:

- Украшенная ткань получится только из чистой.
- Как из ритуала? – спросил [Цзыся]. Учитель воскликнул:
- Ты – тот, кто [может] дополнять, Шан. С тобой уже можно начинать обсуждать «Песни» («Лунь юя», 3.8. Перевод Д.В. Конончука [7]).

Именно здесь М. Хантер, исходя из постулируемого им «матричного» устройства корпуса текстов древнекитайской философии, подключает метод «дальнего чтения» – чтения при помощи средств цифрового поиска (*digital search tools*) [25, р. 31]. Суть метода заключается в поиске определенного понятия в корпусе текстов и анализе контекстов его бытования, что позволяет, по мнению М. Хантера, приблизительно восстановить смысловое поле взаимосвязей, существовавшее в китайской философии. Подобный метод известен русскоязычному читателю (см., напр., анализ китайского концепта любви у Тань Аошун [17,

с. 148–160]), однако у М. Хантера он опирается на используемые им электронные базы текстов крайне ограниченной доступности.

Так, высказывания, обычно атрибутируемые как цитаты Конфуция, выступают в интерпретации М. Хантера не столько как манифестации значимой персоналии, сколько как «хаб», посредством которого древние мыслители конфуцианского толка вносили идеи для «установления» (*чу* 處) и «исправления» (*дин* 定) окружающего мира (у М. Хантера – «situate» и «fix» соответственно). В частности, именно для этого они использовали «Канон поэзии» – комментируя его сюжеты и смыслы, мифологизируя Конфуция. М. Хантер приводит в пример высказывание Сыма Цяня, в котором историограф использует цитату из «Канона поэзии», чтобы высказать свое суждение о Конфуции: «В “Ши цзин” есть такие строки: “Когда на высокую гору смотрю, подняв вверх голову, словно иду по Великому Пути, и хотя не смогу достичь цели, но сердцем стремлюсь к ней”. Я читал сочинения Конфуция и хотел представить его себе как человека» [16, с. 150–151]. На основе этого высказывания М. Хантер развивает идею о том, что Сыма Цянь опирается на поэтику «Канона поэзии», описывая акт «видения» через «сердце» (*синь* 心), что является характерной чертой поэзии-*ши* [25, р. 109].

2. «Канон поэзии» является источником концептов, формирующих смысловое поле древнекитайской философии.

Концептом М. Хантер в своем исследовании называет выраженный понятием образ или идею из «Ши цзин», который в дальнейшем послужил формирующим элементом парадигмы древнекитайской философии. Среди таких концептов он в первую очередь отмечает «возвращение» (*зуй* 歸), «путь» (*дао* 道) и «воду» (*шуй* 水) [25, р. 88, 101, 115]. Рассмотрим последовательно каждый из них.

С точки зрения М. Хантера, включенная в «Ши цзин» поэзия носит «кинетический» характер, т.е. так или иначе описывает движение [25, р. 36]. Весь раздел «Го фэн» исследователь рассматривает как «путешествие» от сердца удела Чжоу к другим уделам. Он также находит подтверждение этому в том, как в «Каноне поэзии» освящено понятие «дипломатический визит» (*сюнь* 巡, *сюнь шоу* 巡守): это ритуальное путешествие правителя по своим землям. В «Каноне поэзии» это явление выражено в таких концептах, как «время шествия» (*ши май* 時邁) и «пиршество» (*бань* 般) (у М. Хантера – «he proceeds» и «celebration» соответственно) [25, р. 36]. По мнению исследователя, центральным, проходящим красной линией через весь «Канон поэзии» концептом является «возвращение» – как в прямом, так и в метафорическом прочтении [25, р. 115]. Это и возвращение

в родной дом из дома супруга, и возвращение солдата с войны, и возвращение мыслями к прошлому. «Возвращение» – это процесс, результат которого должен стать воплощением идеала поэзии-*ши*. В качестве противоположности «возвращению» выступает концепт «одиночество», «тоска», «горе» (*ю* 憂) (у М. Хантера – «anxious»). «Тоска» окажется неизменным спутником человека, если его возвращение не свершится. Избавление от тоски – задача персонажей «Канона поэзии»³ [25, р. 82]. М. Хантер также кратко касается идеологического и социального аспекта понятия «возвращение», посредством которого устанавливалась и поддерживалась идея о необходимости для каждого метафорически вернуться «домой», т.е. к интеллектуальному и политическому центру [25, р. 192].

«Путь» М. Хантер постулирует как одну из центральных метафорических категорий «Канона поэзии», рассматривая ее в аспекте идеи о возвращении как ключевом сюжете «Канона поэзии». Потому и концепт пути появляется в тексте «Ши цзин» весьма часто (а именно – 19 раз, т.е. почти в 4 раза чаще, чем его синоним «дорога» (*лу* 路), упомянутый всего 5 раз) и также в нескольких аспектах. Первый аспект «пути», отмеченный М. Хантером, политический: это путь, заданный совершенномудрыми государями древности. Здесь путь выступает как символ политической мощи государя: он реализует «благодать» (*де* 德), дарованную ему Небом, и тем самым символизирует благо государства и общества. Второй аспект «пути» – это тот самый «путь домой». На наш взгляд, тема «пути домой» как основная тема «Канона поэзии» обозначена верно и вполне коррелирует с тем, что один из главных сюжетов стихов-*ши* – это отчуждение, разделение: с семьей, возлюбленными, духами предков. М. Хантер истолковывает воззрения конфуцианцев таким образом, что у них это отчуждение начинает обретать идеологический базис: тоска, описываемая в «Каноне поэзии», истолковывается как однозначно негативное явление, которое можно преодолеть социальным коллективизмом и возвратом к традициям прошлого [25, р. 13–14]. Так, концепт пути, обретя в тексте «Канона поэзии» подобную смысловую окраску, в политической философии конфуцианства принял образ системы принципов правления, истинность которой базируется на постоянном «возвращении» к древности путем сверки с глубоко мифологизированным «путем древних мудрейших правителей» (*сянь шэнь ван дао* 先聖王道).

³ Нечто похожее можно усмотреть в идее Новалиса о том, что философия есть «ностальгия, тяга повсюду быть дома». Эту дефиницию в контексте поиска определения метафизики очень емко анализировал М. Хайдеггер, переосмысляя «тягу повсюду быть дома» как побуждающую «искать ходы», т.е. истинные смыслы вещей, «понятий» [19, с. 28–30].

Еще один концепт «Ши цзин» – «вода» – постулируется М. Хантером как понятие метафоричное, «ассоциативное». Например, вода – образ текучей мысли, также образ «потока» (*лю* 流) [25, р. 13–14]. В самом «Каноне поэзии» вода – метафора связи, в первую очередь – неба с землей, выражаемая в течении воды сверху вниз, а также метафора связи с возлюбленным/домом, если речь идет о воде, текущей горизонтально [25, р. 99]. Так, утверждает М. Хантер, первая коннотация получила особое распространение в связи с категорией «благодать» (у М. Хантера – *virtue* или *power*) [25, р. 14]. В этом контексте вода подчеркивает связь правителя с небом. В конфуцианских текстах нередко людей, стремящихся к благородному правителю или к возвращению к родителям, на уровне ассоциации уподобляли водному потоку [22, 7.35.4; 23, 10.13; 24, 10.3.2]. Движение воды, наблюдение за водой – сюжеты, обретшие важную роль в конфуцианстве. Они являлись прямыми метафорами «мысли» (*сы* 思) или «размышления» (*нянь* 念): изначально, в самом «Каноне поэзии», так могли быть метафорически переданы мысли о возлюбленном (стихи «Водный источник» (*Цюань шуй* 泉水) и «Четвертый месяц» (*Сы юэ* 四月)) или настроения и деяния великого правителя (например, стих «Лю-гун» (*Лю* 公)).

3. «Дао дэ цзин» и поэма Цюй Юаня «Ли Сао» выступили в качестве текстов, полемизирующих с установками «Канона поэзии».

М. Хантер подчеркивает, что с «Каноном поэзии» следует связывать не только тексты, испытавшие его формирующее влияние, но и тексты, которые обнаруживают скрытую полемику с его идеями. Первым в этом ряду он называет «Дао дэ цзин». Исследователь выдвигает гипотезу о том, что данный текст бы специально создан в противопоставление «Канону поэзии» [25, р. 115]. Он демонстрирует, что «Канон поэзии» ориентирован на «действие», «движение» и «чувства», в то время как «Дао дэ цзин» – на «покой», «сокровенность» (*сюань* 玄), «не-знание» и «не-говорение». Также, в связи с тем, что «Дао дэ цзин», по мнению М. Хантера, постулирует жизнь в отшельничестве, в нем отрицается концепт «возвращение» в том смысле, в каком он фигурирует в «Каноне поэзии», т.е. в смысле возвращения домой. В «Дао дэ цзин» «возвращение» – это свойство Пути [9, с. 134–135], что, как мы можем заметить, делает противопоставление двух текстов не столь очевидным.

Если в «Каноне поэзии» «возвращение» – это действие, сокращающее физическое и социальное пространство между людьми, то в «Каноне Пути и благодати», согласно М. Хантеру, подобное возвращение «к людям» видится как процесс, отдаляющий человека от его собственной природы [25, р. 117–

118]. Особенно сильное «противостояние» «Канону поэзии» М. Хантер усматривает в главе 20, где излагается позитивная интерпретация концепции «одиночества» (вспомним, что в «Каноне поэзии» такое, наоборот, должно быть преодолено в результате «возвращения»). М. Хантер указывает на то, что в этой главе «Дао дэ цзин», в отличие от других его глав, присутствуют звуко-символические биномы: например, *си си* (熙熙), *лэй лэй* (儗儗), *мэнь мэнь* (悶悶) [25, р. 121–122]. Поскольку подобные биномы характерны для «Канона поэзии», М. Хантер интерпретирует этот фрагмент «Дао дэ цзин» как прямую критическую реакцию на «программу» стихов-*ши*, а именно – как постулирование отказа от преодоления одиночества, провозглашение его в качестве нормы [25, р. 124].

Второй текст, который М. Хантер противопоставляет «Канону поэзии», – это «Чуские строфы». При этом противопоставление производится не с точки зрения поэтической формы (т.е. *ши* и *цы*), – напротив, их он мыслит скорее как продолжение одного другим, – но с точки зрения содержания. Сюжет о связи стихов-*ши* и строф-*цы* – классический, его истоки можно найти еще в эпохе Хань. Так, у Бань Гу в послесловии к тексту «Ши фу» читаем: «После Весен и осеней путь дома Чжоу, как размытый потоком, разрушился. Августейшие расспросы о государственных песнопениях вышли из державных обычаев отдельных царств. Ученые мужи, изучавшие стихи, если и остались, оказались в рубищах. Даже подлинно мудрые люди слагали оды, лишённые воли, присущей прежней поэзии. Великий конфуцианец Сунь-цин и государев слуга Цюй Юань из Чу, удаленные и оклеветанные, горевали о своем государстве, и оба творили оды, полные порицаний и таящие устои древних стихов» [20, с. 63]. М. Хантер провозглашает *цы* стихами, которые показывают невозможность выполнения заложенной в «Канон поэзии» программы «возвращения», и, более того, – манифестацией «одиночества». Тот факт, что «Чуские строфы», в частности *цы* «Ли Сао» и «Тянь взнь», на которые М. Хантер делает особый акцент, отсылают к понятию одиночества, не вызывает сомнения. Об этом говорили и комментаторы ранней китайской эпохи Ван И и Бань Гу. Трактую название поэмы «Ли Сао» (離騷), в качестве синонима к *ли* 離 канонисты называли *чоу* 愁 («печалиться», «горевать»), а к *сао* 騷 – ю 憂 («одиночество») [20, с. 196–197].

Заключение

Таким образом, М. Хантер на основании использованного им комплекса методов сумел получить ряд оригинальных выводов, проясняющих взаимосвязь «Канона поэзии» и древнекитайской (в первую очередь – конфуцианской) философ-

ской традиции. При этом, безусловно, концепция М. Хантера не лишена некоторых недостатков. Прежде всего, «Канон поэзии», – не единственный текст, который мог служить подобного рода «сюжетообразующим» ядром китайской философии. Мы полагаем, что М. Хантер недооценивает влияние текстов традиции *шу* (書) и рассмотрение текста «Шан шу» (尚書) через призму методологии ученого может дать интересные результаты, дополняющие его выводы. Требуется прояснения и вопрос о принципах установления детерминирующих связей между выделяемыми М. Хантером концептами «Ши цзин» и концепциями китайской философии.

В целом же концепция М. Хантера обладает значительным эвристическим потенциалом, и знакомство с ней, как нам представляется, может быть полезно для отечественных специалистов в области истории китайской философии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алимов И.А., Кравцова М.Е. История китайской классической литературы с древности и до XIII в.: поэзия, проза: в 2-х ч. Ч. 1. СПб.: Петербургское востоковедение, 2014.
2. Дорофеева В.В. «Ши цзин» как исторический источник для реконструкции пространственных представлений в Древнем Китае: дис. ... канд. ист. н. М., 1992.
3. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5-ти т. Т. 1. Философия. М.: Восточная литература, 2006.
4. Карапетьянц А.М. У истоков китайской словесности. М.: Восточная литература, 2010.
5. Кобзев А.И. Старые проблемы и новый перевод «Ши цина» // Общество и государство в Китае. 2018. № 2. С. 261–331.
6. Кобзев А.И. Философия китайского неоконфуцианства. М.: Восточная литература, 2002.
7. Конфуций. Избранные беседы («Лунь юй») / Пер. А.Л. Сергеев, Д.В. Конончук. Владивосток. (рукопись)
8. Крюков В.М. Текст и ритуал: Опыт интерпретации древнекитайской эпиграфики эпохи Инь-Чжоу. М.: Памятники исторической мысли, 2000.
9. Лао-цзы. Книга о Пути жизни (Дао-Дэ цзин). М.: АСТ, 2020.
10. Лисевич И.С. «Великое введение» к «Книге песен» // Историко-филологические исследования. Сборник статей памяти акад. Н.И. Конрада. М.: Восточная литература, 1974. С. 178–181.
11. Лотман М.Ю. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000.
12. Моретти Ф. Дальнее чтение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.
13. Попова Г.С., Ульянов М.Ю. Этапы истории *шу* 書 («Записей [речей государей]») и *ши* 詩

(«Стихов»): от литургии до канона (XI–III вв. до н.э.) // Общество и государство в Китае. 2018. № 2. С. 332–367.

14. Ранняя конфуцианская проза. Луньюй. Мэнцзы. М.: Шанс, 2019.

15. Смирнов И.С. Китайская поэзия: в исследованиях, заметках, переводах, толкованиях. М.: РГГУ, 2014.

16. Сыма Цянь. Исторические записки. Т. V. М.: Восточная литература, 1987.

17. Тань Аошун. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. М.: Языки славянской культуры, 2004.

18. Уотмор Р. Что такое интеллектуальная история? М.: Новое литературное обозрение, 2023.

19. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. Мир – Конечность – Одиночество. СПб.: Владимир Даль, 2013.

20. «Чуские строфы»: избранные произведения в переводах М.Е. Кравцовой. СПб.: Петербургское востоковедение, 2022.

21. Гуань-цзы ([Писания] Учителя Гуаня) // Chinese Text Project. URL: <https://ctext.org/guanzi>

22. Люй-ши Чунь-цю («Вёсны и осени» господин Люй [Бувэя]) // Chinese Text Project. URL: <https://ctext.org/lv-shi-chun-qiu>

23. Сюнь-цзы ([Книга] Учителя Сюня) // Chinese Text Project. URL: <https://ctext.org/xunzi>

24. Чунь-цю Цзо чжуань чжэн-и («Предание [господин] Цзо к “Вёснам и осеням”» с выправленным смыслом) // Chinese Text Project. URL: <https://ctext.org/chun-qiu-zuo-zhuan>

25. Hunter, M., 2021. The poetics of Early Chinese thought: How the *Shijing* shaped the Chinese philosophical tradition. New York: Columbia University Press.

26. Kern, M., 2001. Ritual, text, and the formation of the canon: historical transitions of *wen* in Early China. T'oung Pao, Vol. 87, no 1/3, pp. 43–91.

27. Kern, M., 2009. Bronze inscriptions, the *Shijing* and the *Shangshu*: the evolution of the ancestral sacrifice during the Western Zhou. In: Lagerwey, J. and Kalinowski, M. eds., 2009. Early Chinese religion. Part 1. Shang through Han (1250 BC – 220 AD). Vol. 1. Leiden; Boston: Brill, pp. 143–200.

28. Nylan, M., 2023. Review of Hunter, M. *The poetics of Early Chinese thought: How the Shijing shaped the Chinese philosophical tradition*. URL: <https://www.h-net.org/reviews/showpdf.php?id=58706>

29. Shen, L.C., 2022. Review of *The poetics of Early Chinese thought: How the Shijing shaped the Chinese philosophical tradition*, by M. Hunter. China Review, Vol. 22, no. 1, pp. 348–353.

30. Slingerland, E. et al., 2017. The distant reading of religious texts: a ‘big data’ approach to mind-body concepts in Early China. Journal of the American Academy of Religion, Vol. 85, no. 4, pp. 985–1016.

31. Tamburello, G., 2021. Review of Hunter, M. *The poetics of Early Chinese thought: How the Shijing shaped the Chinese philosophical tradition*. The Canadian Review of Comparative Literature, Vol. 48, no. 4, pp. 559–563.

REFERENCES

1. Alimov, I.A. and Kravtsova M.E., 2014. Istoriya kitaiskoi klassicheskoi literatury s drevnosti i do XIII v.: poeziya, proza: v 2-kh ch. Ch. 1 [The history of Chinese classical literature from antiquity to the XIIIth century: poetry, prose: in 2 parts. Part 1]. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe vostokovedenie. (in Russ.)

2. Dorofeeva, V.V., 1992. «Shi tszin» kak istoricheskii istochnik dlya rekonstruktsii prostranstvennykh predstavlenii v Drevnem Kitae [*Shijing* as a primary source for the reconstruction of spatial representations of Ancient China], dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk. Moskva, 1992. (in Russ.)

3. Titarenko, M.L. ed., 2006. Dukhovnaya kul'tura Kitaya: entsiklopediya: v 5-ti t. T. 1. Filosofiya [The spiritual culture of China: an encyclopedia: in 5 volumes. Vol. 1. Philosophy]. Moskva: Vostochnaya literatura. (in Russ.)

4. Karapet'yants, A.M., 2010. U istokov kitaiskoi slovesnosti [At the origins of Chinese literature]. Moskva: Vostochnaya literatura. (in Russ.)

5. Kobzev, A.I., 2018. Starye problemy i novyi perevod «Shi tszina» [Old problems and a new translation of *Shijing*], Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae, no. 2, pp. 261–331. (in Russ.)

6. Kobzev, A.I., 2002. Filosofiya kitaiskogo neokonfutsianstva [Philosophy of Chinese Neo-Confucianism]. Moskva: Vostochnaya literatura. (in Russ.)

7. Confucius, 2013. Izbrannye besedy («Lun' yui»). Perevod A.L. Sergeeva i D.V. Kononchuka [The Analects. Translated by A.L. Sergeev and D.V. Kononchuk]. Vladivostok. (manuscript) (in Russ.)

8. Kryukov, V.M., 2000. Tekst i ritual: Opyt interpretatsii drevnekitaiskoi epigrafiki epokhi In'-Chzhou [Text and ritual: an interpretive essay on Ancient Chinese epigraphy of the Yin-Zhou period]. Moskva: Pamyatniki istoricheskoi mysli. (in Russ.)

9. Lao-zi, 2020. Kniga o Puti zhizni (Dao-De tszin) [The book of the Way (*Dao de jing*)]. Moskva: AST. (in Russ.)

10. Lisevich, I.S., 1974. «Velikoe vvedenie» k «Knige pesen» [The «great preface» to the «Book of songs»]. In: Istoriko-filologicheskie issledovaniya. Sbornik statei pamyati akad. N.I. Konrada. Moskva: Vostochnaya literatura, 1974, pp. 178–181. (in Russ.)

11. Lotman, M.Yu., 2000. Semiosfera [Semiosphere]. Sankt-Peterburg: Isskustvo-SPB. (in Russ.)

12. Moretti, F., 2016. Dal'nee chtenie [Distant reading]. Moskva: Izd-vo Instituta Gaidara. (in Russ.)

13. Popova, G.S. and Ul'yanov, M.Yu., 2018. Etapy istorii *shu* 書 («Zapisei [rechei gosudarej]») i *shi* 詩 («Stikhov»): ot liturgii do kanona (XI–III vv. do n.e.) [Stages of *shu* 書 («Records [of Rulers' Speeches]») and *shi* 詩 («Songs») history: from liturgical texts to canon (XI–III BC)], *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*, no. 2, pp. 332–367. (in Russ.)
14. Rannyaya konfutsianskaya proza. Lun'yui. Mentszy [Early Confucian Prose. *Lun yu. Meng-zi*]. Moskva: Shans, 2019. (in Russ.)
15. Smirnov, I.S., 2014. Kitaiskaya poeziya: v issledovaniyakh, zametkakh, perevodakh, tolkovaniyakh [Chinese poetry: in research, notes, translations, interpretations]. Moskva: RGGU. (in Russ.)
16. Sima Qian, 1987. Istoricheskie zapiski. T. V [Records of the grand historian. Vol. V]. Moskva: Vostochnaya literatura. (in Russ.)
17. Tan Aoshuang, 2004. Kitaiskaya kartina mira: Yazyk, kul'tura, mental'nost' [Chinese worldview: Language, culture, mentality]. Moskva: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (in Russ.)
18. Whatmore, R., 2023. Chto takoe intellektual'naya istoriya? [What is intellectual history?]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russ.)
19. Heidegger, M., 2013. Osnovnye ponyatiya metafiziki. Mir – Konechnost' – Odinochestvo [The fundamental concepts of metaphysics: world, finitude, solitude]. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal'. (in Russ.)
20. «Chuskie strofy»: izbrannye proizvedeniya v perevodakh M.E. Kravtsovoi [«Verses of Chu»: selected works translated by M.E. Kravtsova]. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2022. (in Russ.)
21. 管子 [[Writings of] Master Guan]. URL: <https://ctext.org/guanzi> (in Chinese)
22. 呂氏春秋 [«Springs and autumns» of Mr. Lü [Buwei]]. URL: <https://ctext.org/lv-shi-chun-qiu> (in Chinese)
23. 荀子 [[Writings of] Master Xun]. URL: <https://ctext.org/xunzi> (in Chinese)
24. 春秋左傳正義 [«“Springs and autumns” in a transmission of [Mr.] Zuo» with corrected meaning]. URL: <https://ctext.org/chun-qiu-zuo-zhuan> (in Chinese)
25. Hunter, M., 2021. The poetics of Early Chinese thought: How the *Shijing* shaped the Chinese philosophical tradition. New York: Columbia University Press.
26. Kern, M., 2001. Ritual, text, and the formation of the canon: historical transitions of *wen* in Early China. *T'oung Pao*, Vol. 87, no 1/3, pp. 43–91.
27. Kern, M., 2009. Bronze inscriptions, the *Shijing* and the *Shangshu*: the evolution of the ancestral sacrifice during the Western Zhou. In: Lagerwey, J. and Kalinowski, M. eds., 2009. Early Chinese religion. Part 1. Shang through Han (1250 BC – 220 AD). Vol. 1. Leiden; Boston: Brill, pp. 143–200.
28. Nylan, M., 2023. Review of Hunter, M. *The poetics of Early Chinese thought: How the Shijing shaped the Chinese philosophical tradition*. URL: <https://www.h-net.org/reviews/showpdf.php?id=58706>
29. Shen, L.C., 2022. Review of *The poetics of Early Chinese thought: How the Shijing shaped the Chinese philosophical tradition*, by M. Hunter. *China Review*, Vol. 22, no. 1, pp. 348–353.
30. Slingerland, E. et al., 2017. The distant reading of religious texts: a 'big data' approach to mind-body concepts in Early China. *Journal of the American Academy of Religion*, Vol. 85, no. 4, pp. 985–1016.
31. Tamburello, G., 2021. Review of Hunter, M. *The poetics of Early Chinese thought: How the Shijing shaped the Chinese philosophical tradition*. *The Canadian Review of Comparative Literature*, Vol. 48, no. 4, pp. 559–563.

Статья поступила в редакцию 14.10.2024;
рекомендована к печати 19.11.2024